На правах рукописи

Инь Лу

Инь Лу

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МЕТАФИЗИКА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ КИТАЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ 1920-1930-х гг. (ЛУ СИНЬ, МАО ДУНЬ, ЮЙ ДАФУ)

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Краснодар
2019

Диссертация выполнена на кафедре истории русской литературы, теории литературы и критики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: **Свитенко Наталья Вячеславовна**
кандидат филологических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Чотчаева Марина Юрьевна**
доктор филологических наук, доцент /
ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» / кафедра литературы и методики ее преподавания, профессор
Капец Ольга Викторовна
кандидат филологических наук, доцент /
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» / кафедра литературы и массовых коммуникаций, доцент

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск)**

Защита диссертации состоится 29 июня 2019 года в 15.00 на заседании диссертационного совета Д 212.101.04, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет», по адресу: 350019, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Сормовская, 7, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», ауд. 309.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке КубГУ и на сайте: https://www.kubsu.ru/ru/science/dissertations/d-21210104.

Автореферат разослан «22» апреля 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент М.В. Безрукавая

Общая характеристика работы

Популярность Ф. М. Достоевского особенно возросла в начале XX столетия. Едва ли хоть один значительный писатель нашего времени не испытал его влияния. Русский классик современен, поскольку всякий писатель исключительного дарования актуален во все времена: гений схватывает в частном и временном общезначимое и вечное. В мировой культуре XX столетия его творчество занимает особое место и признано явлением общечеловеческого масштаба. Критическая литература о русском гении характеризует систему «отражений» Ф. М. Достоевского в широком контексте: речь идет о культурном сознании эпохи, о неоднородном, но едином рецептивном пространстве. Творческое наследие русского классика интенсивно изучается не только в родной языковой среде, но и за рубежом, и, вызывая научные дискуссии, оригинально интерпретируется в инокультурных эстетических и религиозно-философских контекстах. Изучение интертекстуального диалога с иноязычной культурой требует разномасштабного подхода: это и анализ конкретных аллюзий, подтекстов, и осмысление целых культурных и художественных парадигм. Одно из центральных положений компаративистики, базового метода исследования диссертации: образ становится своеобразным признаком, маркирующим «пограничные» разработки на стыке литературы и культуры, литературы и истории. Соответственно, в научной работе пересекается изучение ментальной природы образности в литературе с рецептивным компонентом.

Этический пафос, духовный опыт, воплощенный в слове, художественные открытия русской классической литературы во многом повлияли на способы организации художественного мира, повествовательную манеру, принципы создания характеров в прозе китайских писателей первой половины XX века. Отечественные и зарубежные ученые активно анализируют механизмы восприятия, трансформации и национальной адаптации художественного произведения в чужом культурном контексте. Подобный подход позволяет, с одной стороны, целостно осмыслить феномен художественной метафизики Ф. М. Достоевского в мировом масштабе, с другой стороны, способствует более глубокому национальному постижению творчества писателя.

Понять текст, по Х. Г. Гадамеру, означает «применить» его к современной для читателя ситуации, в частности, «исследовать». Как читают Ф. М. Достоевского представители иноязычной культуры, носители иного эстетического опыта, какие смыслы, заложенные в текстах русского классика, обретают инобытие в китайском искусстве?

Динамика диалога китайской и русской литературы стала предметом рассмотрения в трудах российских ученых (В. М. Алексеева, В. Ф. Сорокина, Н. Т. Федоренко, М. Е. Шнейдер, Л. З. Эйдлина) и ряда китайских исследователей (Ван Чжилян, Чэнь Цзяньхуа, Ли Цзинь).

Термином «художественная метафизика» в современном гуманитарном знании обозначают результаты творческих исканий на поле мировоззренческих, религиозных, философских, нравственных, экзистенциальных проблем посредством авторских образно-эстетических средств. С философско-эстетической точки зрения каждый гениально созданный художественный образ – эстетический феномен с бесконечным смысловым потенциалом, поскольку представляет собой не отражение действительности, а революционное «вторжение» в нее, заполняющее «лакуны» социальной среды. Образы Ф. М. Достоевского семантически неисчерпаемы, а их метафизическое содержание «не вмещается в эстетические формы и дает богатый материал для философских, этических, психологических, историко-социологических размышлений о природе сущего и должного, добра и зла. Художественная метафизика способна погружаться в такие смысловые глубины человеческого бытия, куда позитивное научное познание проникнуть не в состоянии, и в этом состоит ее особая роль как средства философского миропостижения»[1]. В данном научном исследовании представлен абрис восприятия констант художественной метафизики Ф. М. Достоевского в китайском культурном пространстве 1920-1930-х годов XX века.

Временные рамки, поставленные в работе, продиктованы убеждением, что именно «первая волна» критических и художественных «ревизий» творчества Ф. М. Достоевского в китайском культурном пространстве наиболее значима для избранных китайских авторов: основоположник новой китайской литературы Лу Синь уйдет из жизни в 1936 году, Юй Дафу и Мао Дунь уже в 1940-е годы пострадают от литературно-идеологических и физических репрессий. Китайские авторы второй половины XX века будут по-своему реинтерпретировать творчество русского классика: в середине столетия интерес к творчеству Ф. М. Достоевского существенно снижается в результате идеологических, соцреалистических проработок, а возрождение внимания к произведениям русского писателя произойдет только в 1990-е годы – время расцвета сравнительного литературоведения Китая.

Научную новизну диссертационного исследования определяет выявление и характеристика наиболее существенных процессов рецепции доминантных

---

[1] Бачинин В. А. Художественная метафизика // Бачинин В. А. Эстетика. Энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2005. С. 257.

образов и мотивов Ф. М. Достоевского и механизмов их творческого преобразования в индивидуально-авторском сознании китайских прозаиков. Попытка системного анализа творчества Лу Синя, Мао Дуня и Юй Дафу в контексте художественной метафизики Ф. М. Достоевского в отечественном литературоведении предпринимается впервые. Проблема рецепции литературно-философской традиции и творчества русского писателя частично рассматривалась в некоторых работах китайских и отечественных исследователей на уровне выявления текстуальных аллюзий и реминисценций (Ли Чуньлинь, Цзан Эньюй), упоминалась в ряде статей об отдельных аспектах творчества писателя (Го Сяоли, Чжан Бяньгэ, Чжан Жуньмэй). Философские и социокультурные аспекты художественного диалога изучаются на материале произведений, которые ранее не привлекали к себе внимания исследователей и оставались на периферии литературоведческого интереса.

Анализ характера актуального диалога китайских авторов с русской культурой, сопоставление мировоззренческих основ Ф. М. Достоевского и избранных китайских прозаиков позволяет выявить типологические соответствия и различие доминантных принципов художественного мышления писателей, раскрыть динамику и особенности восприятия русской литературы в культурно-историческом контексте первой половины XX века и показать самобытные черты сложного и противоречивого художественного мира, над парадоксами которого размышляет не одно поколение исследователей. Аналитика интертекстуального диалога выявляет не только аллюзивные связи, но и проясняет типологические соотношения между текстами русского и китайских писателей, независимо и по-разному разрабатывающих ту или иную общую локальную тему. Таким образом, а**ктуальность исследования** определяется необходимостью осмысления итогов сложного и многоаспектного диалога русской и китайской литератур в развитии культуры XX века.

Объектом изучения диссертационного исследования является художественные и публицистические сочинения Ф. М. Достоевского и трех крупнейших представителей китайской прозы первой половины XX века: Лу Синя, Мао Дуня и Юй Дафу. Выбор писательских персоналий обусловлен их концентрированным интересом к творчеству русского прозаика и значимостью художественных открытий избранных китайских писателей: именно они в 1920–1930-е годы осуществили кардинальный разрыв с предшествующей литературной традицией, осознав кризис языка, кризис героя, кризис социальных и символических структур.

Предмет исследования – инвариантные образы, доминантные мотивы, аксиологические константы художественного мира Ф. М. Достоевского в восприятии и трансформации китайских прозаиков1920-1930-х годов.

Основным материалом исследования стали повести «Записки из подполья», «Кроткая», «Село Степанчиково и его обитатели», романы «Бедные люди», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, сопоставляемые с наиболее репрезентативными в аспекте заявленной проблематики произведениями трех крупных представителей китайской литературы первой половины XX века: «Скорбь по ушедшей», «Моление о счастье», «Почтенный учитель Гао», «Записки сумасшедшего», «Кун И-Цзи», «Снадобье», «Умный, дурак и раб», «Подлинная история А-Кью» Лу Синя; «Весенние ночи», «Скромный подарок», «Падение» Юй Дафу; «Колебания», «Затмение», «Радуга» Мао Дуня. Для первой главы работы, посвященной аналитике общих типологических соответствий русской и китайской литературы в 1920-1930-е годы, материалом послужили рассказы «Благодетельница» Лао-Шэ, «Фаталист» Юй Дафу, пьеса «Гроза» Цао Юй и их «компаративные пары» в русской классике: рассказ «Княгиня» А. П. Чехова, повесть «Шинель» Н. В. Гоголя и драма «Гроза» А. Н. Островского.

Цель диссертационной работы – выявление способов осмысления и художественной трансформации русского культурного и литературного опыта в художественных и публицистических произведениях китайских писателей посредством анализа особенностей мировоззрения и поэтики Лу Синя, Мао Дуня, Юй Дафу в контексте художественных открытий Ф. М. Достоевского.

Поставленная цель обусловила ряд конкретных **задач**:

- выяснить причины обращения китайских писателей к русской литературной традиции и определить роль Ф. М. Достоевского в литературном процессе Китая первой половины XX века;
- изучить художественные и публицистические произведения Лу Синя, Мао Дуня, Юй Дафу с точки зрения их связи с русской литературной традицией и определить основные способы взаимодействия художественного сознания авторов с доминантными парадигмами русской культуры, репрезентированными в художественном творчестве Ф. М. Достоевского;
- рассмотреть сюжетные перипетии и коллизии рассказов и романов Лу Синя, Мао Дуня, Юй Дафу, апеллирующие к произведениям Ф. М. Достоевского, выделить и проанализировать ряд типологически сходных метафизических мотивов;

- исследовать социально-философские и этические основания «подпольного» сознания героев Ф. М. Достоевского, Мао Дуня и Юй Дафу, установить их генетическую связь, сходства и различия;

- проанализировать амбивалентный образ «маленького» человека Ф. М. Достоевского и Лу Синя через сопоставление поведенческой «схемы», психологического портрета и аксиологической парадигмы героев;

- определить смысловой генезис образа «положительно прекрасного человека» Ф. М. Достоевского и исследовать механизмы рецепции этого образа в творчестве китайских прозаиков;

- выявить типологические аналогии между текстами русского и китайских авторов, проанализировать особенности трансформации и обозначить общее смысловое пространство русской и китайской литературы.

Поставленные задачи определяют **методологию исследования.** Сравнение и сопоставление – базовые принципы человеческого мышления, общенаучной методологии и основа сравнительно-исторического литературоведения, идеи и приемы которого составили методологическую основу исследования и его терминологический базис: «встречное течение», «воспринимающая среда» (А. Н. Веселовский), «литературные связи» (В. М. Жирмунский, Д. Дюришин), «эстетика воздействия» (В. Изер), «пересоздание», «проецирование на другого автора своей картины мира и способов ее воплощения» (Л. Я. Гинзбург) и «воссоздание» (экспансия воспринимающего «я», открытие Другого), «конкретизация» (Р. Ингарден).

Академик А. Н. Веселовский, анализируя технику восприятия какой-либо литературной традиции в рамках сравнительно-исторического метода, вводит понятие «суггестивности» – уникальной способности художественного образа и сюжета «подсказывать» читателю иной эпохи или иной культурной и языковой традиции «новое содержание». В связи с этим нужно отметить, что феномен творческого наследия Ф. М. Достоевского «суггестивен» в высшей степени.

В терминологии В. Дильтея, основателя духовно-исторической школы, «дух художника» и «дух эпохи» – основные феномены, которые должны изучаться в опоре на категорию «переживания». Сопоставление революционного «духа художника» Ф. М. Достоевского с «духом эпохи» перемен в Китае 1920-1930-х годов лежит в основе настоящего научного исследования.

Предметом анализа становится сопоставление сходных и контрастирующих типов композиций, сочетания и варьирования тем и мотивов, схем конфликтов, архитектоника системы персонажей. Учитывая свойство принципиальной полигенетичности литературных феноменов, которые часто

восходят к множеству разных источников, выявленное сходство в настоящее исследовании не абсолютизируется: в ходе анализа, в первую очередь, ставится вопрос о художественном смысле, который выявляет компаративный подход.

Методологическая доминанта компаративистского подхода позволяет сопоставить ключевые мотивы и образы избранных авторов и показать особенности творческого диалога Ф. М. Достоевского и китайских писателей 1920-1930-х годов XX века (Лу Синя, Мао Дуня и Юй Дафу). Концепция диалогизма (М. М. Бахтин) и конструктивные принципы рецептивной эстетики («эстетический опыт», «эстетическая дистанция» В. Изера, Х. Яусса) раскрывают сложную диалектику восприятия и трансформации («эстетики воздействия») в процессе проникновения одной литературы в мир другой, составляют методологический фундамент исследования.

Наряду с прагматикой – изучением диалогических взаимоотношений художественной метафизики Ф. М. Достоевского с произведениями китайских авторов и общекультурным и философско-религиозным контекстом – в работе анализируются «синтаксис» и «семантика» избранных текстов. Для этого использован литературоведческий инструментарий мотивного и интертекстуального анализа.

В настоящем исследовании понятие «интертекстуальный диалог» не утрачивает связь с «социофизической реальностью», поскольку именно историко-аксиологический контекст определяет «диалогизирующий фон» рецепции художественного произведения (в терминологии М. М. Бахтина). В связи с этим в работе использована только техника интертекстуального анализа, а современная теория интертекста, апологеты которой принципиально оспаривают генетические и типологические связи, осталась за пределами диссертационного исследования.

Теоретическую базу научной работы составили труды достоевсковедов, в которых особенности художественного мышления писателя анализируются в контексте созданной им оригинальной художественно-метафизической модели, в частности М. М. Бахтина, Р. Бэлнепа, В. Е. Ветловской, И. А. Есаулова; сочинения русских религиозных философов Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, С. Н. Булгакова, Л. И. Шестова, Вяч. Иванова, «открывших» метафизический характер мышления Ф. М. Достоевского; исследования китайских литературоведов Синь Синь, Синьюй Чэнь, Тянь Чуаньцзинь, Чэнь Цзяньхуа, осмысляющих особенности межкультурной коммуникации России и Китая.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Результаты работы позволяют уточнить и систематизировать особенности русско-китайских литературных связей. Итоги научных изысканий

расширяют и корректируют представление о путях развития китайской литературы первой половины XX века: революционное обновление языка художественной прозы, поиски идентичности в мире культуры XX века, проблемы переосмысления философского и культурного диалога с русским классическим литературным наследием. Работа, оставаясь в границах литературоведения, апеллирует к религиоведению, психологии, лингвистике и, следовательно, представляет интерес для специалистов по междисциплинарным исследованиям.

Результаты и выводы диссертационной работы могут послужить материалом для лекционных и практических курсов по истории русской и китайской литератур, пособием при разработке специальных курсов по сравнительному литературоведению и компаративистике, а также способствовать подготовке учебно-методических пособий по теории межкультурной коммуникации и проблематике китайской прозы первой половины XX века. В научный оборот введен текст рассказа «Падение» Юй Дафу, ранее не переведенный на русский язык и неизвестный русскому читателю.

Кроме того, материалы и выводы диссертации могут быть полезны переводчикам произведений Ф. М. Достоевского, интерпретация которых требует скрупулезного осмысления источников литературных аллюзий, реминисценций художественного мира автора, а также знания широкого спектра их толкований в критике и литературоведении.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Ф. М. Достоевский – создатель оригинальной художественной метафизики, моделирующей мир в диалоге быта и бытия, социального и экзистенциального, реального и трансцендентного, создатель художественно-методологической парадигмы, которой следуют многие писатели во всем мире. В связи с этим, «достоевский» контекст – это не только рецепционный блок смыслов и поэтических приемов, но и уникальная форма воспитания, сотворения читателя как личности.

2. 1920-1930-е годы в Китае – период поисков основ этнической идентичности, новой национальной идеологии, нового общественного сознания. Этим обусловлен активный интерес к Ф. М. Достоевскому и глубокое восприятие его художественной метафизики, открывающей способы преодоления социального хаоса, человеческой одномерности, экзистенциального отчуждения. Полифоническая эстетика русского классика коррелировала с мировоззренческим плюрализмом, господствовавшим в Китае 1920–1930-х годов. В дискуссии о выборе основ будущего развития литературы,

о параметрах сохранения национальных художественных традиций обращение к сложнейшему, «мятежному», но нравственно безупречному творчеству Ф. М. Достоевского было закономерным и необходимым.

3. «Фантастический реализм» Ф. М. Достоевского сопрягает жесткий детерминизм и иррациональные связи, рождающиеся в глубине подсознания мира и человека. Инвариантная основа образов русского писателя – синтез типического и архетипического, позволяющий сочетать психологизм и социальность. Основной принцип «реализма в высшем смысле» Ф. М. Достоевского – инкорпорирование метафизических реалий в мир повседневности и обыденности, расширяющих и углубляющих мир действительности и, в итоге, проявляющих во внутреннем метафизическом пространстве человека неисследованные области. Общая «метафизическая ситуация» произведений Ф. М. Достоевского, Лу Синя, Юй Дафу и Мао Дуня – человек, открывающий духовное измерение и стремящийся осознать пределы внутренней свободы, – проявляется в целом ряде типологически сходных мотивов.

4. Тип «подпольного» человека, открытый Ф. М. Достоевским, фигурирует в современном культурном континууме в качестве литературного архетипа. Писатель создал формулу особого метафизического мира – подполья, в «темных аллеях» которого страдают и бунтуют «антигерои» произведений современной мировой литературы. Мао Дунь и Юй Дафу наследуют художественно-метафизическую «формулу» «подполья». Герои-«антигерои» рассказа «Падение» Юй Дафу и романа «Затмение» Мао Дуня соотносимы с литературным архетипом подпольного парадоксалиста и открывают новые измерения «подполья». Связь художественной практики Юй Дафу, Мао Дуня и Ф. М. Достоевского проявляется в использовании приема двойничества, «перекличке» сюжетных перипетий и близости отдельных сцен.

5. Полифоническая эстетика Ф. М. Достоевского разрушает авторский репрессивный монологизм и художественно воплощает кризисное сознание современного писателю человека. Это кризисное сознание можно соотнести с «эпистемологической неуверенностью» китайского «маленького человека» 1920-1930-х годов, что особенно ярко проявилось в художественно творчестве Лу Синя и «тревожной» прозе Юй Дафу.

6. Этико-философские воззрения писателей имеют определяющее значение для их творческого метода. Нравственные искания Ф. М. Достоевского и философская созерцательность китайских писателей в значительной степени определили специфику их художественных систем. Выделение типологической общности, которая возникает в результате спора, столкновения, религиозно-

мировоззренческого диссонанса и объединяет столь различных писателей, помогает установить закономерности в развитии психологического реализма и динамику антропологической детерминации.

7. Традиции Ф. М. Достоевского, воспринятые художественным сознанием китайских писателей, основателей «новой прозы», и воссозданные в их творчестве, существенно повлияли на идеологический строй и стилистику повествования, сочетающего сентименталистскую чувствительность, напряженную натуралистическую жесткость и пронзительную наготу исповедальности.

Степень достоверности и апробация диссертационного исследования. Текст научной работы обсуждался на заседании кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета. Научный доклад по результатам диссертационного исследования был представлен комиссии в рамках государственной итоговой аттестации по образовательной программе подготовки научно-педагогических кадров аспирантуры. Основные положения и выводы работы изложены в докладах на международных и всероссийских конференциях, среди которых: «Актуальные проблемы современной филологии: теория, практика, перспективы развития» (Краснодар, 2016, 2017, 2018), «Литература и революция» (Краснодар, 2017), «Континуальность и дискретность в языке и речи» (Краснодар, 2017). Кроме того, наиболее значимые эпизоды научного исследования опубликованы в трех различных рецензируемых изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, основной части – трех глав, поделенных на параграфы, заключения и библиографического списка.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновываются актуальность и новизна темы исследования, характеризуются предмет и объект диссертационного анализа, определяется степень изученности темы, формулируются цель и основные задачи диссертации, описывается ее теоретическая и методологическая база.

В первой главе **«Особенности рецепции русской литературы в Китае»** исследуются особенности рецепции русской классической литературы в китайской малой прозе 1920-1930-х годов.

В первой половине XX века обостряется интерес китайских писателей к русской литературно-философской традиции, что обусловлено ощущением исторического кризиса, повлекшим за собой смену художественных, эстетических, духовно-нравственных ориентиров, постановку проблемы национальной идентичности и художественно-критическую ревизию

культурного наследия. Русские классики привнесли в литературу Китая особую напряженность духовных исканий, в первую очередь характерную для русской литературы.

Различные аспекты восприятия художественных открытий Ф. М. Достоевского в китайском культурном пространстве этого периода органически соединились в творчестве крупных писателей Китая первой половины XX века Лу Синя (родоначальник современной китайской литературы, идейно-художественного «вдохновителя» революционного «Движения 4 мая»), Мао Дуня (один из лидеров группы «Общество изучения литературы», постулирующей принципы социально ангажированной литературы) и Юй Дафу (участник литературного объединения «Творчество», развивающего идеи «искусства для искусства»). Идиостили столь разных китайских прозаиков 1920–1930-х годов складываются под влиянием воспринимаемой русской литературной традиции, в частности И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, в творчестве которых привлекает богатство интеллектуального содержания, установка на художественное осмысление сущностных законов бытия и умение образно изображать идею.

В первом параграфе первой главы работы (**«Реминисценции русской классики в малой прозе Китая 1920–1930-х годов»**) представлен анализ интертекстуальных связей повести Н. В. Гоголя «Шинель» и рассказа Юй Дафу «Фаталист» в контексте проблемы «маленького человека» и рассказов А. П. Чехова «Княгиня» и Лао Шэ «Благодетельница» в контексте проблемы героя, находящегося в плену иллюзий.

Во втором параграфе первой главы работы (**«Отражение концепций А. Н. Островского и Ф. М. Достоевского об искуплении грехов в пьесе Цао Юй “Гроза”»**) анализируется изображенная в ранней пьесе китайского драматурга Цао Юй «Гроза» сложная природа человека, соотнесенная с точкой зрения русских авторов на грех и искупление греха. Ф. М. Достоевский полагал, что только религия и народ могут предоставить утешение и выход из тупика. В Китае начала XX века единственным выходом было освобождение личности и проведение социальных реформ. В этом проявилась разница религиозно-утопического и социально-реформистского подходов, воплотивших в себе дух русской религиозной философии и китайского гуманизма. Но разница идеологий писателей нивелируется родственной мощью выражения любви к человеку. Это пробуждает определенный исторический оптимизм. Философский взгляд авторов на проблемы греха и искупления затрагивает важнейшую тему смысла человеческого существования.

В художественном сознании китайских писателей Ф. М. Достоевский и его творческие образные «креатуры» выступают как определенный устойчивый «текст», который в многочисленных вариациях проявляется в его произведениях на протяжении всего творчества. В рецепции наследия русского писателя китайскими авторами можно выделить несколько этапов, отличающихся по своей интенсивности и характеру восприятия. Аналитическим обзорам, представляющим различные аспекты изучения творчества Достоевского в Китае, посвящена работа Чэнь Синьюй «Достоевский в Китае. Материалы к библиографии» (Чэнь Синьюй, 2013), Синь Синь «Исследование творчества Достоевского в 40-е годы XX века в Китае» (Синь Синь, 2010), Чжан Жуньмэй «Особенности восприятия идей Ф. М. Достоевского в Китае» (Чжан Жуньмэй, 2017). Особенность перечисленных обзоров заключается в том, что картина критической рефлексии творчества Ф. М. Достоевского в 1940-х годах и второй половине XX века представлена подробно и полно, а первый этап изучения русского классика едва намечен и содержит весьма противоречивые сведения: Синь Синь отмечает, что китайскому читателю Ф. Достоевский стал известен с 1920 года, когда был опубликован перевод рассказа “Честный вор”, а Чжан Жуньмэй, ссылаясь на мнение современного китайского ученого Ма Иньмао, а также профессора китайского народного университета и редактора «Ежемесячного журнала исследований Лу Синя» Сунь Юй, полагает, что впервые имя Достоевского прозвучало в Китае в 1907-м году. В третьем параграфе первой главы диссертации собраны сведения, составляющие **«Пролегомены научно-критического восприятия творчества Ф. М. Достоевского в Китае 1910-1930-х годов»**.

Резко возросший интерес к творчеству русского классика в 1920–1930-е годы продиктован кризисным экзистенциальным состоянием китайского национального самосознания в период социально-политических потрясений. Именно в это историческое время происходит «конкретизация» (термин Р. Ингардена) художественного наследия Ф. М. Достоевского китайскими читателями: из текста русского писателя извлекаются вневременных метафизические смыслы, отвечающие конкретно-историческим запросам «порогового» периода, происходит «выстраивание смысла» произведений Ф. М. Достоевского, поскольку «эстетическая дистанция», разделяющая русских и китайцев в 1920-1930-е годы резко сокращается, а «эстетический опыт» русского художника способствует новым художественным открытиям в поэтическом искусстве Китая.

Тексты Ф. М. Достоевского были для китайского читателя знаками эпохи, обусловленными совпадением социально-исторических ситуаций. У русского

пореформенного сознания много общего с китайским менталитетом, находящимся в сложных отношениях с европейской культурой. Конфуцианская мораль и православие тысячелетиями обеспечивали народное единство, несмотря на катастрофические социальные потрясения. Но отсталость обеих стран требовала реформ, невозможных без проникновения западного влияния. Пётр I и его наследники провели ряд усовершенствований, преобразивших лик России. Петровские реформы, по словам Д. С. Мережковского, создали русскую интеллигенцию. Но почвенник Ф. М. Достоевский говорил о чудовищном разрыве между народом и образованным слоем, предостерегая русских интеллигентов о страшных последствиях потери связи с народом. Его слова – прекрасная иллюстрация к тому, что происходит с «подпольными» людьми любой нации. «Почва» перестает подпитывать их, они становятся беспочвенными и, вследствие этого, беззащитными перед житейскими бурями. Примером этого служит судьба «подпольного человека» Юй Дафу. Отметим, что хотя русское сознание столкнулось с западной цивилизацией несколько раньше, чем китайское, но сам тип восприятия перемен народом отмечен рядом сходств. Так, петровские реформы вызвали сопротивление старообрядцев. Реформы принца Гуансюя были прерваны переворотом под руководством императрицы Цыси, имевшей народную поддержку. Союз мятежников-ихэтуаней и императорского двора привел к радикальной попытке стереть все следы западного влияния, закончившейся грандиозным военным поражением Китая от лица союзных держав в 1901 году. Это противостояние не могло не найти отражения в китайской литературе.

Особенности рецепции Ф. М. Достоевского в Китае во многом объясняются специфическим статусом в культуре Поднебесной русского писателя, чьи философско-нравственные искания оказались созвучными философскому морализму и, прежде всего, философским положениям конфуцианства, в свете которого находятся объяснения схождения русского и китайских писателей. Отдельные философские мотивы творчества и принципы изобразительности русского классика, получившие прямое или косвенное отражение в произведениях китайских прозаиков, трансформируются в новом контексте. Увеличивающаяся частотность аллюзий и реминисценций из Ф. М. Достоевского в произведениях Лу Синя, Мао Дуня и Юй Дафу обозначает актуальность полемического диалога.

Во второй главе **«Идеи и образы Ф. М. Достоевского в творчестве Лу Синя»** рассматриваются механизмы рецепции повествовательной манеры и этической проблематики русского классика выдающимся китайским писателем Лу Синем. В первом разделе второй главы работы («**Художественная рецепция**

«Кроткой» Ф. М. Достоевского в рассказе «Скорбь по ушедшей» Лу Синя: «кротость» и «смирение» в интерпретации писателей») исследуются особенности репрезентации концептов «кротость» и «смирение» в контексте этической значимости в русской и китайской языковой картине мира, представленной художественными текстами русского и китайского классиков.

Во втором параграфе второй главы (**«Маленький человек» Ф. М. Достоевского и Лу Синя»**) выявляются особенности художественного воплощения экзистенции «маленького человека» в творчестве Ф. М. Достоевского и механизмы рецепции этого образа китайским прозаиком.

Обращение к фигуре «маленького человека» было обусловлено историческими причинами. У русского и китайского общества было много общего. Общественная ситуация в Китае на переломе XIX и XX веков многими чертами напоминала положение русского пореформенного общества. Поднебесная империя испытывала ломку традиционного уклада. Нерушимо стоявшая более двух тысяч лет конфуцианская мораль дала трещину. Если русский «маленький человек» был порожден средневековой сословной моралью и реформами Петра I, разделившими общество на четырнадцать разрядов «Табели о рангах», то корни китайского «маленького человека» лежали еще глубже.

Обращение к образам «маленьких» людей обнажило общие черты поэтики обоих писателей. Это внимание к яркой детали, портретике, пластике. В частности, сближает литературную технику писателей искусство краткого портрета – их объединяет метко подмеченный жест, передающий подавленное душевное состояние героев. Деталь у обоих писателей не столько подробность, сколько триггер, открывающий в читателе возможность нового видения мира, без которого не состоится внутреннее пробуждение и преображение.

Ф. М. Достоевский и Лу Синь раскрыли трагизм существования «маленького человека» на невиданном ранее уровне. Диапазон раскрытия темы необыкновенно широк – от реалистических типажей до героев притч и священного писания. Русский и китайский писатели показали развитие самосознания своих героев-аутсайдеров. «Маленький человек» перерастает свое социальное измерение, превращаясь во всечеловека. Оба классика дали великолепные критические картины русского и китайского общества в эпоху перемен. Обращение к теме «маленького человека» выполнило и более широкую задачу – дать образ отчужденного человека как такового. Мы видим совпадение творческих сознаний Ф. М. Достоевского и Лу Синя, проявившееся в сходстве их поэтики. Это не только моральные установки, но и общность выразительных средств. Но между позициями русского и китайского прозаиков прослеживаются

существенные различия. Православный христианин Ф. М. Достоевский видит путь преодоления отчуждения в смирении: этот ход мыслей традиционен для христианской аскетики. Гуманист Лу Синь выбирает бунт и отвергает всяческую покорность. В отличие от русского классика, декларировавшего возврат к христианству, китайский прозаик оспаривает традиционную религиозную мудрость – поучения Конфуция и Лао-Цзы. Христианские мотивы Лу Синя лишены мистицизма, они всецело подчинены общему идейному направлению – революционному гуманизму, воспевающему сопротивление личности косной среде. Пафос китайского писателя – преодоление прошлого в борьбе за будущее, а не автономное от общественных перемен внутреннее преображение. Но различия между двумя великими писателями отступают на второй план перед силой их любви к человеку, эстетической общностью картины мира и творческой мощью.

Трансформация и художественное преломление образа «маленького человека» в прозе Лу Синя обусловлены разницей религиозно-философских мировоззрений русского и китайского писателей. В связи с этим, в работе анализируется специфика индивидуально-авторских интерпретаций образа Христа, героя – носителя «отчужденного», «уединенного» сознания и путей преодоления отчуждения в прозе Ф. М. Достоевского и Лу Синя.

Творчество рассматриваемых писателей отразило своеобразие переломных эпох, жестоких и беспощадных к простым людям. Ф. М. Достоевский и Лу Синь раскрыли бесчеловечность косной социальной среды. Их герои-аутсайдеры схожи между собой, представляя некий общий мир «униженных и оскорбленных» современной цивилизацией Запада и Востока. В третьем параграфе второй главы – **«Гуманизм и социальная революция в прозе Ф. М. Достоевского и Лу Синя»** – рассмотрено своеобразие концепций восприятия гуманизма и социальной революции в творчестве писателей на материале романа «Бесы» и рассказов «Кун И-Цзи», «Снадобье», «Записки сумасшедшего». Оба прозаика претворили в жизнь идеалы любви к человеку, но между их позициями есть и существенная разница. Ф. М. Достоевский прозревает опасность грядущих политических катастроф и предрекает революционерам крах их идей. Китайский писатель сосредоточен на преодолении тяжелого прошлого путем общественного прогресса. Лу Синь – гуманист, а Ф. М. Достоевский подвергает классический традиционный гуманизм критике, видя в нем ростки нигилистической философии, воплощенной в эгоистическом индивидуализме или в насильственном коллективизме. Если для зрелого Ф. М. Достоевского социальная революция

неприемлема и он противопоставляет ей религиозную утопию, то Лу Синь видит в ней спасение.

В третьей главе **«Художественный код Ф. М. Достоевского в прозе Юй Дафу и Мао Дуня»** анализируется рецепция мотивов и образов русского писателя в прозе китайского мастера малых жанров Юй Дафу и крупного прозаика Мао Дуня.

Обращение к поэтике сентиментального натурализма китайских писателей было связано с необходимостью выявить трагическую сторону жизни бедных, но чувствительных и богатых душой обитателей трущоб. Лу Синь, Юй Дафу, Ба Цзинь ставили в китайской литературе проблему ответственности, долга и счастья «маленького человека». Эта тема будет сквозной для всего творчества китайских писателей, изображающих героев, наделенных сострадательной к чужому горю душой.

В первом параграфе третьей главы работы (**«Сентиментальный натурализм: “бедные люди” в малой прозе Юй Дафу»**) анализируются образы «маленьких лишних людей» Юй Дафу в сопоставлении с родственными героями Ф. М. Достоевского. Ориентация русского писателя на традиции сентиментализма была обусловлена содержанием разработанной им концепции личности: бытие «маленького человека», судьбы униженных и оскорбленных бедных людей воссоздавались через социально-психологический анализ в общечеловеческом гуманистическом содержании. Ф. М. Достоевскому была близка идея Ж.-Ж. Руссо и Н. М. Карамзина о внесословном равенстве людей, которых «уравнивает» свобода выбора, свобода нравственного чувства. Причины духовной драмы «слабых сердец» – предмет исследования Ф. М. Достоевского. Писатель резко углубил некоторые аспекты сентиментальной прозы: нравственный, философский и религиозный. Неравенство, нищенское существование, социальная униженность не самые главные причины трагедии героев, русский классик видел главную проблему в утрате чувства собственного достоинства, в редукции самоуважения, в чувстве ущербности и неполноценности. Эти произведения объединяет аксиологический аспект: философское и эстетическое признание значимости обыкновенной жизни. Ф. М. Достоевский вводит в повествование особого рассказчика – «чувствительного» героя, наделенного душевной глубиной, вниманием к бытовым деталям повседневного существования. Разлад отчужденной личности с окружающим миром, душевные муки «маленького лишнего человека», страдающего разъедающей рефлексией и наделенного болезненной чувствительностью, – характерные мотивы малой прозы Юй Дафу.

Во втором параграфе третьей главы исследования (**«“Подпольный человек” в рассказе “Падение” Юй Дафу и романе “Затмение” Мао Дуня»**) рассматривается духовная структура и внутренний психологический конфликт образа «подпольного человека», впервые открытого Ф. М. Достоевским, на примере героя раннего рассказа китайского писателя Юй Дафу «Падение». В начале XX века, после «Движения 4 мая» 1919 года, раскрытие истинной природы человека и патологической психологии интеллигенции позволило понять противоречие между человеческой сущностью и социальной ролью личности. Тем самым была дана возможность сломать барьер консерватизма старого общества. Как и «подпольный человек» Ф. М. Достоевского, герой рассказа «Падение» в своем мире исполняет две роли одновременно: ответчика и судьи, свидетеля и адвоката: раскрывая свое преступление, он в то же время оправдывает себя.

Главное разногласие между индивидом и общиной заключается в ценностном противоречии. Для общины материальные интересы выше духовной свободы, безопасный порядок важнее независимости личности, поведение и образ мысли здесь направляются внешней властью, чужой волей. А у индивида ценностный выбор диаметрально противоположен: духовная свобода и индивидуальная независимость превыше всего, необходимой отправной точкой мысли и деятельности непременно являются своя воля и свои внутренние принципы. В «Падении» подробно описано психологическое противоречие и беспокойство, вызванное этим противоречием.

Герой Юй Дафу – обобщающий образ, воплощающий в себе не только китайского интеллигента, но и человека эпохи кризиса духа вообще. XX век, время ломки традиционного мировоззрения, породил как революционеров и мучеников, так и оторванных от внешнего мира одиночек.

Безымянность героя позволяет раскрыть универсализм сюжета рассказа. Сходство китайского студента с персонажем Ф. М. Достоевского заключается в идентичности главной черты их психологии – упоении страданием. Мазохизм, свойственный саморазрушающимся личностям, доминирует во внутреннем мире обоих героев, окрашивая поэтику текстов темными красками отчаяния. Однако, про персонажа Ф. М. Достоевского нельзя сказать, что он деградирует – русский «подпольный» герой уже безвозвратно находится на дне самим собой созданного ада. Падение состоялось в его далеком прошлом, став первопричиной мрачной картины мира. Герою Ф. М. Достоевского уже некуда падать, и поэтому метафора падения, вынесенная в заглавие рассказа Юй Дафу, к нему не применима, она не смогла бы отразить своеобразие взбаламученной бесконечными терзаниями статики сознания героя. Эта парадоксальная

устойчивость придает ему силы не порывать с жизнью, не «ставить точку пули в самом конце». Русский аутсайдер оказывается более устойчивым перед лицом чужого презрения. Его главный недостаток становится его броней. Мысленная «жвачка» спасает его от мучительных воспоминаний. Солипсизм и эгоцентризм – это испытанные, проверенные на личном опыте механизмы психологической защиты. Так он пытается возвыситься над отвергнувшим его обществом – и в какой-то мере это ему удается: ощущающий себя ничтожным плебеем в обществе своих школьных друзей-аристократов, герой «Записок» высоко поднимается над ними в горделивом, свободном, раскованном полете мысли, отвергая все общеобязательные социально-этические нормы, которые он считает досадными и ненужными помехами, стесняющими человека и мешающими его освобождению. Китайский же «подпольный» человек обречен на гибель в силу не столько слабости как таковой, но по причине неустойчивости своего характера, его механизмы психологической защиты отказывают, в то время как отчуждение русского «подпольного» – это действенный вид самосохранения. Если внутренний мир русского можно уподобить замкнутой системе метрополитена, то душа китайца становится похожим на шахту, в грозную глубь которой спускается клеть раздавленного между «Сверх-Я» и «Оно» собственного «Я». Китайский «подпольный» человек не может найти выхода из лабиринта своего подсознания. Дурная бесконечность отчаяния без остатка поглощает его личность. Если герой Ф. М. Достоевского замыкается в себе, но не капитулирует перед миром и собственной темной стороной, отграничивая их от себя, то персонаж Юй Дафу сдается, не в силах противостоять внешней агрессии и внутренней тяге к смерти.

Диалектика изображения типа чувствительного человека ярко проявляется в раннем творчестве Юй Дафу, где сентименталистские идеи и поэтика стали, с одной стороны, способом пародирования и критики «слабосердности» героя, его самоуничижения, а с другой – утверждением права на человеческое достоинство и выражением глубокой веры писателя в гуманные начала каждой личности.

Если эти герои Ф. М. Достоевского в конце концов прорываются через пелену отчуждения, обретая других людей и свое истинное «Я», то персонаж Юй Дафу окончательно замыкается в себе. Однако это не значит, что его исповедь была бесполезна. Своим страшным примером она показывает те ловушки, в которые может попасть каждый человек, ощущающий свою обособленность от других. Но его откровения не способны преобразить его самого. Китайский «подпольный» не выходит за пределы собственной личности, внутреннего преображения не происходит, тьма берет в нем верх.

Юй Дафу создал яркий тип отчужденного нигилиста, стремящегося к собственной гибели. Судьба «подпольного героя» – одновременно предостережение оторвавшимся от мира интеллектуалам и критика этого косного мира, безразличного к отдельной личности. Поэтика рассказа «Падение» мрачна. Катарсис заменен беспощадной концовкой. Это проза XX – жестокая, бескомпромиссная, отражающая дух «вывихнутого» времени. Юй Дафу раскрыл ряд важнейших проблем – личностных, семейных, национальных. Китайский писатель спорит со своим предшественником и вдохновителем Ф. М. Достоевским, отказывая своему герою в самой возможности спасения. Русский писатель видел спасение в возврате к почве, традиционным ценностям – Юй Дафу показывает, как эти ценности, с их пренебрежением к ценности индивида, могут подвести к гибели. Утопический возврат к старой морали не вдохновляет писателя эпохи мировых войн, но он соглашается с русским предшественником в главном: каждый имеет право быть личностью, каждый имеет право на сострадание.

В третьем параграфе третьей главы работы (**«Образ революции у Ф. М. Достоевского и Мао Дуня»**) рассматриваются социокультурные аспекты творческого диалога классиков русской и китайской национальной словесности в актуальном культурно-историческом контексте: художественное осмысление феномена революции на материале, впервые ставшем предметом литературоведческой рефлексии в аспекте заданной проблемы, – это положение определяет новизну исследования.

Трансформация и художественное преломление образа революции в прозе Ф. М. Достоевского и Мао Дуня обусловлены разницей политических и религиозных мировоззрений писателей, с максимальной силой художественного обобщения раскрывших национальную специфику русской и китайской революций. Но идеологические различия авторов лишь подчеркивают единство художественного решения проблемы революции – гуманизм, предполагающий постоянный душевный труд, преобразующий индивида в личность, и духовную задачу достижения человеческого братства, в котором снимаются противоречия свободы и равенства.

Изучение рецепции русской литературно-философской традиции позволяет определить идеологические и психологические особенности воплощения феномена революции в китайской литературе. В связи с этим, анализируется специфика индивидуально-авторских интерпретаций образов революционеров, политических авантюристов, бюрократов, интеллигентов, представителей народа.

Новаторская поэтика определила глубину изображения революционных событий. Обоих писателей отличает нестандартный ракурс изображения – внимание к темным сторонам человеческой психики, углубление традиционной революционной хроники тонкостью психологического анализа. И русский, и китайский классики осудили политический авантюризм и нигилизм. Но несмотря на мрачность созданных ими картин революционного движения, Ф. М. Достоевский и Мао Дунь сохраняют веру в будущее человечества. Русский писатель, придерживающийся почвенических взглядов, считал, что русский народ найдет выход из надвигающихся потрясений. Символом очищения России от последствий революционного насилия для него становится евангельский эпизод исцеления Гадаринского бесноватого. Оптимизм коммуниста Мао Дуня зиждется на другой основе – вере в грядущее торжество настоящей революции. Но идеологические различия не мешают обоим писателям быть выразителями идей человечности. Ф. М. Достоевский и Мао Дунь стали предвестниками многих писателей XX века, обращавшихся в своих произведениях к революционной тематике.

Четвертый параграф третьей главы работы посвящен аналитике **«положительно прекрасного человека» в романах Ф. М. Достоевского и Мао Дуня**. **О**бразы этих героев русский писатель не создавал по житийным лекалам, но творил уникальные фигуры земных праведников, неразрывно связанных с народной почвой. «Положительно прекрасные люди» – плоть от плоти своего многострадально народа, на который почвенник Ф. М. Достоевский возлагал свои мессианские надежды. Рассматриваемый герой близок к «обожению», во многом подобен Христу. Подлинное понимание своих замыслов русский классик нашел среди принявших его эстетические и нравственные идеи потомков, которые трансформировали образ «положительно прекрасных» героев. Среди идейных наследников писателя – летописец китайской революции Мао Дунь.

Ф. М. Достоевский противопоставлял эгоистическому, апостасийному миру христоподобного героя. Мао Дунь возвеличил путь революционера, преодолевающего сопротивление отсталого общества и свою плотскую природу. Идеальный человек не безгрешен, он проходит через сильнейшие искушения, без которых невозможно полноценное становление личности. Преемственность поэтики Мао Дуня по отношению к Ф. М. Достоевскому проявилась в способе «лепки» персонажа: «положительно прекрасные» герои не завершены, лишены статики, так как находятся в пороговом состоянии сознания. Общность героев обоих писателей – в жертвенности, моральной силе, идущей от народной почвы. Существенное же различие персонажей Ф. М. Достоевского и Мао Дуня заключается в следующем: если «положительно прекрасные» герои русского

писателя находят свои силы в утопических идеалах первоначального христианства, то революционеры китайского прозаика черпают энергию из духа борьбы за свои права и права своего народа. Оптимизм Ф. М. Достоевского – в мессианской установке на преображение многих грешников от немногих избранных, в следовании традициям православия. Оптимизм Мао Дуня строится на другой основе – вере в преодоление предрассудков прошлого, в путь свободной женщины, чаяния счастья независимого народа. Герои обоих писателей почти идентичны – за исключением одной особенности. У Мао Дуня отсутствует важный для Ф. М. Достоевского уровень – уровень сакрального. «Положительно прекрасный человек» Ф. М. Достоевского – мост между людьми и небом. Героям Мао Дуня не нужна поддержка свыше. Духовность китайского писателя строится на другой основе – вере в коллективный разум народа и неизбежность грядущей революции.

В **Заключении** подводятся общие итоги исследования.

Именно в 1920–1930-е годы, в «пороговый» кризисный период культурной жизни нации возникли творческие объединения и литературные общества, члены которых и заложили основы современной китайской литературы. Культурно-политическое «Движение 4 мая» – пролегомены литературной революции: новаторские идеи Лу Синя, Мао Дуня, Юй Дафу и других крупных китайских писателей, обращение к сложной и актуальной социальной и национальной тематике требовало новых форм художественного воплощения: этим обусловлено использование дерзкой, художественно экспериментальной эстетической метафизики Ф. М. Достоевского, разрешающей конфликты между ортодоксальными религиозными догмами и резко усложнившейся индивидуальностью современного человека, между нормами традиционного общества и свободой личности. Китайская литература 1920–1930-х годов стала одним из главных аспектов консолидации нации в новых историко-политических и культурных условиях.

Этико-философские воззрения писателей имеют определяющее значение для их творческого метода. Нравственные искания Ф. М. Достоевского и философская созерцательность китайских писателей в значительной степени определили специфику их художественных систем. Выделение типологической общности, которая возникает в результате спора, столкновения, религиозно-мировоззренческого диссонанса и объединяет столь различных писателей, помогает установить закономерности в развитии психологического реализма и динамику антропологической детерминации.

Художественная метафизика Ф. М. Достоевского привлекает китайских художников «пороговой» предельностью и масштабом в постановке «последних

вопросов» бытия. Произведения русского художника слова становятся источником новых альтернативных образов, которые создают китайские писатели в противовес духовно-культурной бесплодности современного общества. Полемический диалог китайских писателей с русским художником определяется общей склонностью к нравственно-религиозному типу философствования в контексте сложной гуманистической аксиологической парадигмы.

Художественная метафизика Ф. М. Достоевского, демонстрируя поэтологические принципы построения образа нового «сложного» человека, активировала иммунитет для сопротивления разрушительному нигилизму, «объясняла» генезис и проблемное поле новых социальных типов – «маленького» и «подпольного» человека. Все эти разноплановые аспекты восприятия русской литературы органически соединились в творчестве крупных китайских писателей первой половины XX века.

Ф. М. Достоевский полагал, что только религия и народ могут предоставить утешение и выход из тупика. В Китае начала XX века единственным путем было освобождение личности и проведение социальных реформ. В этом проявилась разница религиозно-утопического и социально-реформистского подходов, воплотивших в себе дух русской религиозной философии и китайского гуманизма.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

1. Инь, Лу. «Подпольный человек» в рассказе «Падение» Юй Дафу [Текст] / Лу Инь // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. – 2018. – № 4. – С. 119-123. – (Сер. «Гуманитарные науки»).

2. Инь, Лу. Маленький человек Достоевского и Лу Синя [Текст] / Лу Инь, Н. В. Свитенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 6 (84). – С. 252-257.

3. Инь, Лу. Образ революции у Достоевского и Мао Дуня [Текст] / Лу Инь, Н. В. Свитенко // Филология : научные исследования. – 2018. – № 2. – С. 23-32. DOI: 10.7256/2454-0749.2018.2.26042. URL: http://e-notabene.ru/pfni/article_260-42.html.

Публикации в других в изданиях, входящих в базу РИНЦ:

1. Инь, Лу. Художественная рецепция «Кроткой» Ф. М. Достоевского в рассказе «Скорбь по ушедшей» Лу Синя [Текст] / Лу Инь, Н. В. Свитенко // Актуальные проблемы современной филологии: теория, практика, перспективы развития : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (докторантов, аспирантов и магистрантов) / под ред. В. П. Абрамова, Е. А. Жирковой, Л. А. Исаевой, Е. Н. Лучинской, А. В. Татаринова. – Краснодар : Издательский Дом–Юг, 2015. – 274 с. – С. 123-127.

2. Инь, Лу. Ф. М. Достоевский и Лу Синь о гуманизме и социальной революции [Текст] / Лу Инь // Литература и революция (К 100-летию Октябрьской революции) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Е. А. Жирковой, А. В. Татаринова. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2017. – 355 с. – С. 177-180.

3. Инь, Лу. «Сентиментальный натурализм»: «бедные люди» в малой прозе Юй Да-Фу [Текст] / Лу Инь // Актуальные проблемы современной филологии: теория, практика, перспективы развития : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (докторантов, аспирантов и магистрантов) / под ред. В. П. Абрамова, Е. А. Жирковой, Л. А. Исаевой, Е. Н. Лучинской, А. В. Татаринова. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2017. – 280 с. – С. 165-169.

4. Инь, Лу. Реминисценции русской классики в малой прозе Китая [Текст] / Лу Инь // Классическое наследие русской литературы и современность: концепции, интерпретации, опыты анализа текста : материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессора Л. А. Степанова, доктора филологических наук, заслуженного деятеля науки Кубани / под ред. Е. А. Жирковой, Л. Н. Рягузовой, Л. П. Голиковой. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2016. – 230 с. – С. 203-207.

5. Инь, Лу. «Кротость» и «смирение» в прозе Ф. М. Достоевского и Лу Синя [Текст] / Лу Инь // Континуальность и дискретность в языке и речи : материалы VI Междунар. науч. конф. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2017. – 235 с. – С. 151-153.

6. Инь, Лу. Отражение концепции искупления грехов Достоевского в пьесе Цао Юй «Гроза» [Текст] / Лу Инь // Актуальные проблемы современной филологии: теория, практика, перспективы развития : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (докторантов, аспирантов и магистрантов) / под ред. В. П. Абрамова, Е. А. Жирковой, Л. А. Исаевой, Е. Н. Лучинской, А. В. Татаринова. – Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2018. – С. 219-224.

Инь Лу

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МЕТАФИЗИКА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ТВОРЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ КИТАЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ 1920-1930-х гг. (ЛУ СИНЬ, МАО ДУНЬ, ЮЙ ДАФУ)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Печать цифровая. Уч.-изд. *л*. 1,5.
Тираж 100 экз.
Кубанский государственный университет
Издательско-полиграфический центр КубГУ
350040, г. Краснодар, *ул*. Ставропольская, 149.